

НОВАЯ НАУЧНАЯ ПАРАДИГМА

А.А. Дыдров

ПОСТНЕКЛАССИЧЕСКАЯ НАУКА В СВЕТЕ АДАПТАЦИИ ЧЕЛОВЕКА К БУДУЩЕМУ

Аннотация. Предметом исследования является современная постнеклассическая наука. Автор выделяет некоторые признаки постнеклассической парадигмы (междисциплинарность, господство методологического анархизма, комбинаторный характер, перенасыщенность, перформативность). Специфической чертой постнеклассической науки является большое внимание к будущему. В современности стремительно увеличивается число проектов, моделей и сценариев будущего. Многие из них принципиально различны. Оказывается увеличение проектов и моделей будущего связано с прагматической установкой постнеклассической науки: критерием научности является не только соответствие научных исследований истине. Ведущим критерием оказывается практическая полезность сконструированной модели.

Методология исследования включает в себя общенаучные методы: анализ, синтез, индукцию, дедукцию, обобщение, абстрагирование. Кроме того, проведена методологическая процедура концептуализации.

Особым вкладом автора исследования служит выделение специфических признаков постнеклассической науки, слабо раскрытых в философии науки. Привлекает внимание введение в оборот понятия футуроплюрализма. Им обозначена множественность проектов, моделей и сценариев будущего. Оценено неоднозначное влияние футуроплюрализма на жизнь человека. Одним из средств гармонизации бытия человека и культуры является образование, имеющее ресурсы для адаптации человека в стремительно меняющемся мире.

Ключевые слова: будущее, наука, ризома, плюрализм, культура, палимпсест, текст, перформанс, футуроплюрализм, образование.

Abstract. The subject of this research is the modern post-nonclassical science. The author determines some signs of the post-nonclassical paradigm (interdisciplinarity, domination of methodological anarchism, combinatorial character, oversaturation, performativity). The peculiar feature of the post-nonclassical science is that it dedicates great attention to the future. Today, the amount of projects, models, and scenarios of the future is rapidly increasing; many of them differ drastically. The increase of projects and models of the future is associated with the pragmatic orientation of the post-nonclassical science: the criterion of scientificity implies not only the concordance between the scientific research and the truth, but the leading criterion includes the practical value of the constructed model. The author's main contribution into this work is the determination of the specific signs of the post-nonclassical science, which are yet to be thoroughly discovered in the philosophy of science. The attention is given to the introduction into the scientific discourse of the notion futuroplurality. It designates the multiplicity of projects, models, and scenarios of the future. The author evaluates the ambiguous influence of futuroplurality upon the human life. One of the means of harmonization of human being and culture is education, which encompasses the resources for human adaptation to the rapidly changing world.

Key words: Education, Futuroplurality, Performance, Text, Palimpsest, Culture, Plurality, Rhizome, Science, Future.

Современные философы единодушны в том, что наука эволюционирует. Согласно одной из широко известных концепций, в американской, европейской и российской истории развитие науки выражалось последовательной сменой парадигм. Речь идёт не только об общности взглядов исследовательских групп или о картине мира, а о принципиальном изменении природы научного знания. На смену «классической» науки пришла «неклассическая». В свою очередь, «неклассическую» потеснила «постнекласси-

ческая» наука. Концепция стадийного развития науки (А.М. Столяров) размещает богатство научного знания в прокрустовом ложе трех парадигм. Несмотря на это, в эволюционистской концепции есть очевидные достоинства. Она позволяет видеть метаморфозы науки в эпоху постмодерна, оценить стартовое положение научного знания и сравнить его с нынешним положением вещей.

А.М. Столяров в книге «Освобождённый Эдем» писал, что в современной науке вообще не ставится вопрос о соответствии результатов научных

изысканий природе вещей, действительности и истине. Критерием научности является работоспособность сконструированной модели [8, с. 130-131]. Если созданная модель эффективна (вне зависимости от того, «объясняет» ли она мир), то она имеет право на место под солнцем.

Природу постнеклассической науки, естественно, невозможно описать несколькими словами. В перечне признаков современного научного знания особого внимания заслуживают следующие:

1. Междисциплинарность. Наука, по выражению В.Г. Буданова, «вынуждена» быть междисциплинарной [5, с. 72]. Инструментарий постнеклассической науки использовался уже во второй половине прошлого столетия. С помощью нового органа учёные хотели описать эволюционирующие, сверхсложные системы, не доступные пониманию сквозь призму какой-либо одной области научного знания. Сделать это, используя методологический и понятийный аппарат какой-либо одной науки, невозможно. Требуется объединённые усилия различных специалистов.
2. Методологический и интерпретационный анархизм. Современное научное знание связано со свободой учёного в выборе методологии. П. Фейерабенд в работе «Против метода» писал: «Наука представляет собой по сути анархистское предприятие» [11, с. 30]. В свете методологического и интерпретационного анархизма право на существование имеют самые, на первый взгляд, абсурдные мнения. П. Фейерабенд считал, что не следует отбрасывать даже самые «странные» суждения. Они, конечно, попадают под пресс естественного отбора. В науке есть фильтры, препятствующие паранауке, философским изысканиям, религиозной догматике и всему прочему, не соответствующему с принципами доказательности, проверяемости и объективности. В действительности эти фильтры далеко не всегда эффективны. В науку проникают «пауки» (метафора Ф. Бэкона), не считающиеся с научной традицией и коллективным опытом. Вследствие этого, знание перестаёт быть прочным и долговечным, почва уходит из-под ног исследователя. По выражению М. Фуко, человечество вынуждено путешествовать от одной интерпретации к другой [12]. Множественность интерпретаций соответствует ризоматическому бытию. Концепт ризомы появился в философии благодаря творчеству Ж. Делёза и Ф. Гаттари. А.М. Столяров писал, что ризома – это «размонтированная среда», не имею-

щая стержня. Делёзовская формула «плюрализм = монизм» [7, с. 37] выражала отношения «тотальной равнозначности» [8, с. 129]. Множественное единственно, а единственное множественно. Наука-ризома существует в качестве мозаики предположений, гипотез, концепций и теорий. Ни одна из научных концепций не может нести «свет истины», так как никакой «истины» не существует. То же касается и философии.

3. Отказ от традиционного детерминистского представления о мироздании. Идея линейного прогресса долгое время была одной из самых популярных идей в Западной Европе и Соединённых Штатах Америки. Принцип детерминизма обуславливает, например, вполне определённое представление об историческом процессе. История понимается как вектор, направленный из прошлого в будущее. Кроме того, концепция линейной истории прочно связана с идеей смены исторических эпох – первобытно-общинного строя, Древнего мира, Средневековья, Нового времени, Новейшей истории. Не ясно, например, какая эпоха сменит эпоху Новейшей истории. Прошлое разбивается на относительно самостоятельные образования, каждое из которых маркируется. Средневековье, например, – это «времена мрака», господство «теоцентризма», инквизиция, охота на ведьм и т.д. Новое время – «промышленные перевороты» и «буржуазные революции». Прошлое не признаётся абсолютно самоценным. Оно в определённом смысле служит настоящему и будущему.
4. Предметом исследований являются сверхсложные системы. Они не развиваются линейно. Иными словами, жизнь этих систем не выражается чёткой и последовательной сменой состояний. Внимание исследователей акцентируется на необратимости, неравновесности, неустойчивости, флуктуациях и т.д. Определённый процесс является необратимым тогда, когда устранение действующих факторов не приводит к возврату системы на начальный уровень развития. Необратимость процессов, происходящих в сверхсложных системах, существенно затрудняет научную работу. Сложно обозначить то или иное явление раз и навсегда. Крайне затруднительно изучать различные процессы, пользуясь традиционной методологией и терминологическим аппаратом. Одной из деструктивных реакций на явление необратимости процессов служит отказ давать определения. Эта реакция, несмотря на

её разрушительный характер, вполне понятна и даже естественна. Неравновесность, в свою очередь, проявляет себя в диссипативных системах, где возможны различные состояния неустойчивости. Флуктуации не затухают, а, напротив, вспыхивают с новой силой, побуждая систему эволюционировать. Неустойчивость оказывается одним из атрибутов эволюционных процессов. Неустойчивость прочно связана с переходами системы в новые состояния. В моменты перехода устойчивость теряется, происходят колебания.

5. Наука как рекомбинация. Во второй половине XX в. постмодернисты пересмотрели предшествующие идеи о культуре. Философы пришли к неутешительному выводу: культура является палимпсестом (Ж. Женетт, Ю. Кристева, Р. Барт и др.). Текст – ткань, состоящая из цитат в кавычках и без кавычек [1] и возникающая в результате взаимодействия культурных кодов [3]. Проблема создания чего-то подлинно нового приобрела особую остроту. С помощью художественно-образных средств культура как палимпсест была изображена в рассказе Х. Борхеса «Вавилонская библиотека». «Смерть» автора наступает среди множества безликих книг, а его жизнь является сравнительно небольшим путешествием из одного зала библиотеки в другой. В связи с колоссальными пертурбациями в науке эпохи постнеклассики проблема плагиата выглядит надуманной. Авторским правом охраняется не идея, а способ выражения идеи.
6. Перенасыщенность. В определённом смысле проблема перенасыщенности существовала всегда, но в XX в. публикация результатов научных изысканий выражалась геометрической прогрессией. В базы научного цитирования входят миллионы научных трудов. С одной стороны, научное сообщество сегодня не скованно догмами и идеологией, а с другой стороны, подавляющее большинство научных исследований игнорируется.
7. Перформативность. В понимании Р. Барта перформанс есть не что иное, как аутопойезис высказывания [2, с. 387-388]. В свете сказанного научное творчество, как и любое другое, может быть перформативным. В эпоху постмодерна научная работа ведётся не ради открытия истины, а для повышения социального статуса, отчётности, отсрочки службы в армии и т.д. Наука (в особенности, гуманитарная) стала модным аксессуаром, а научная работа – показателем изысканного вкуса.

Богатство постнеклассической парадигмы никоим образом не исчерпывается обозначенными признаками. Ещё одной принципиально важной чертой современного научного знания является озабоченность будущим. В цитируемой статье В.Г. Буданов отметил, что наука «вынуждена менять своё поприще, переключаться на области высоких технологий, медицины и генной инженерии, информационных технологий и экономики, прогнозов и рисков» [5, с. 72]. А.В. Столяров назвал будущее «монстром», готовым пожрать настоящее. Этого «монстра» необходимо обуздать [8, с. 92].

Озабоченность будущим велика. Неслучайно во второй половине XX в. возникли понятия футурошока (Э. Тоффлер) и футурофобии (И.В. Бестужев-Лада). Многие интеллектуалы согласились с пессимистическим прогнозом Э. Тоффлера об образовании. Образование должно быть средой социализации человека и площадкой для раскрытия творческого потенциала личности. Реалии, напротив, свидетельствуют об отсталости образовательной системы. В «Революционном богатстве» американский футуролог использовал метафору автострады. По шоссе с различной скоростью движутся машины (социальные институты). Лидерами гонки являются фирмы и институты гражданского общества: они способны и готовы быстро реагировать на изменяющиеся условия существования. Аутсайдеры гонки – бюрократия, законодательство, политические структуры и образовательная система [9, с. 59-62]. Э. Тоффлер не скупился на образные выражения, назвав американскую систему образования «металлоломом», ежегодно обходящимся в 400 миллиардов долларов. Вердикт, вынесенный футурологом образованию, лаконичен: оно прочно связано с индустриальной эпохой [9, с. 60]. Американская школа, по оценке Э. Тоффлера, является школой «фабричного типа» [9, с. 60]. То же справедливо и для российской системы образования, несмотря на эксперименты, инициируемые государством и учителями-новаторами (например, «интеллектуально-игровой всеобуч»).

Подготовка к будущему должна начинаться с основ. В действительности о будущем в стенах школы почти не говорят. В книге «Шок будущего» Э. Тоффлер выражал обеспокоенность «презентизмом» образования. В школах преимущественно изучают наследие предков. Футуролог ссылался на высказывание европейского философа Р. Юнга о необходимости кардинальных изменений содержания преподаваемых дисциплин. Когда-нибудь, по мнению Р. Юнга, на лекционных и практических занятиях будут обсуждать научные, технические и философские труды, произведения искусства, по-

священные будущему, предполагаемые кризисы и пути выхода из них. Р. Юнг решительно утверждал, что научную фантастику (sci-fi) следовало бы рассматривать в качестве «социологии будущего» [10, с. 462]. Ни в рамках классической, ни в рамках неклассической парадигм науки художественные произведения не рассматривались всерьёз. Отзвуки предвзятого отношения к фантастике (и не только к ней) слышны и сегодня. В научном сообществе сохранилась маркировка предметов исследования как «достойных» и «не достойных» изучения. Между тем, Р. Юнг считал, что в будущем (оно, очевидно, ещё не наступило) на уроках литературы школьники будут штудировать книги А. Кларка, Р. Шекли и других фантастов. Школьное и вузовское образование в определённом смысле не успевает за стремительно меняющимся миром капитализмом. Дело не только в том, что современные школьники и студенты не знакомы с деятельностью современных инженеров и ничего не знают о «мегатрендах», но главным образом в том, что они не привыкли думать о будущем. В российской системе образования пока нет той «индикаторной бумаги», которая позволила бы увидеть реакцию среды.

Обзор современных актуальных программ по литературе показал, что литературе о будущем фактически не отводится места. Школьные программы включают в себя произведения классиков литературы XIX в. (А.С. Пушкина, М.Ю. Лермонтова, А.Н. Островского, Н.В. Гоголя, Ф.И. Тютчева, И.А. Гончарова, И.С. Тургенева, Л.Н. Толстого и др.). В рамках раздела «Зарубежная литература» изучают Г. Мопассана, О. Бальзака и т.д. В рамках раздела «Литература XX в.» изучают, как правило, стихи В.Я. Брюсова (автора антиутопии «Республика Южного Креста»), К.Д. Бальмонта, Андрея Белого, А.А. Блока, Игоря Северянина, повесть «Котлован» А.П. Платонова, стихи М.И. Цветаевой. Особое место отводится теме Великой Отечественной войны. Послевоенная литература представлена именами А.И. Солженицына (лагерная тематика, нравственный стержень героя в повести «Один день Ивана Денисовича»), В.Т. Шаламова («Колымские рассказы»), В.П. Астафьева (утрата нравственных ориентиров в романе «Печальный детектив»), Ю.В. Трифонова (тематика городской прозы). В одной из программ (авторы Е.Н. Дмитриева, Е.В. Кулакова, А.А. Панова) в рамках темы «Октябрьская революция и литературный процесс 20-х годов» предусмотрен обзор романа Е.И. Замятина «Мы» и романа А.П. Платонова «Чевенгур». Учитель должен рассказать школьникам о развитии жанра антиутопии, акцентировать внимание на проблемах строительства рая на земле и показать, как в антиутопии

обесценивается личность. Следует предположить, что время, отведённое на обзор двух знаковых произведений сравнительно невелико. В теме об Октябрьской революции авторы программы рекомендуют изучить произведения М. Горького, В.В. Розанова, И.А. Бунина, И. Эренбурга, А.М. Ремизова. Школьники должны кое-что знать и о юмористической прозе (рассказы М.М. Зощенко, романы «Золотой телёнок» и «Двенадцать стульев»). Парадоксально, что студенты филологических факультетов педагогических вузов изучают произведения Д. Оруэлла, О. Хаксли, С. Лема, Р. Брэдбери и других известных авторов. Составители школьных учебных программ, напротив, не включают в программу даже кратких обзоров фантастики. Существующие исключения из общего правила незначительны: уже приведённый пример с творчеством Е.И. Замятина и краткой характеристикой жанра антиутопии, изучение нескольких рассказов Р. Брэдбери («Всё утро в один день», «Зелёное утро», «Каникулы»). Школьные программы Соединённых Штатов Америки, вопреки распространённому мнению о «поверхности» американской культуры, включают в себя довольно серьёзные произведения. Существенное отличие американских школьных программ заключается в большом внимании к литературе XX в. Школьники изучают «Дающего» Л. Лоури (понимание справедливости как наличия равных возможностей и проблема устройства идеального мира), «451^е по Фаренгейту» Р. Брэдбери, «Повелителя мух» У. Голдинга (проблема безвластия в обществе, общество как самоорганизующаяся система). По-видимому, и в США спектр социальной фантастической литературы не столь широк, как хотелось бы Р. Юнгу и Э. Тоффлеру. И в первом, и во втором случаях можно видеть подтверждение мысли Э. Тоффлера о консервативности образовательной системы.

В высших учебных заведениях курсам, посвящённым будущему, отводится незначительное место. Как правило, дисциплины такого рода преподаются как специальные курсы. Сравнительно малое количество часов, отводимое на дисциплину, обуславливает фрагментарность, раздробленность материала. Опыт университетов в организации специальных курсов о будущем не велик. Например, в Челябинском государственном университете сотрудниками кафедры политических наук проводился специальный курс «Образы будущего в современной массовой культуре». Дисциплина преподавалась студентам, обучающимся по специальности «Связи с общественностью». Большой опыт, в сравнении с иными вузами, в преподавании курсов о будущем имеет Московский государствен-

ный университет. На экономическом факультете в 2014 г. были прочитаны лекции о роли государственных корпораций в развитии биотехнологий, венчурном инвестировании в биотехнологические проекты. По неизвестным причинам некоторые курсы были отозваны. Это касается дисциплин по экономике нанотехнологий и демографии. Была отозвана дисциплина «Рост населения регионов Земли и будущее человечества». То же произошло с курсом «Проектирование будущего и управление Россией». Т.Я. Подольская, сотрудник факультета госуправления в 2014 г. разработала курс, ориентированный на знакомство учащихся с футурологическими концепциями («Футурология как борьба за будущее»). Количество часов преподаваемой дисциплины – 24. Предполагаются только лекционные занятия.

В системе российского образования происходят постепенные качественные изменения. Эти изменения ещё сравнительно невелики и, возможно, не влияют на мировоззрение молодого поколения. Тем не менее, организация специальных курсов (в особенности, по инициативе самих педагогов) является наиболее адекватным способом корректировки существующего положения дел.

Будущее заслуживает особого внимания. Во-первых, это связано с господством постнеклассической парадигмы и соответствующими ей научно-исследовательскими приоритетами. Во-вторых, – с инновационностью экономики и временем генерации инноваций. Инновационность сегодня стала маркером различных продуктов производства, технических аксессуаров, технологий, политических стратегий и т.д. Современный человек живёт в мире постоянно рождающихся инноваций. Более того, показателем успешности и ценности человеческих усилий является производство новшеств. Это словосочетание, чуждое даже временам промышленных переворотов, сегодня стало своеобразным. Функционируют кафедры управления инновациями, инновационного менеджмента, инновационных технологий. Человеку нужно быстро реагировать на стремительные перемены. В-третьих, принципиально важные, революционные новшества направлены на природу человека. Никогда ещё человеку не открывались перспективы борьбы со старением, когнитивных и генных модификаций, замены органов и приживления искусственных имплантатов. В совокупности указанные причины побуждают иначе взглянуть на преподаваемые дисциплины и вообще на статус-кво образовательной системы.

Постнеклассическая наука прочно связана с будущим. В свете господствующего плюрализма

методов, способов исследования, подходов, концепций и теорий, дифференциация предметов исследования кажется пережитком. Между тем, в действительности наблюдается реакционная политика в отношении различных областей культуры. Современный исследователь, написавший диссертацию по рекламе или телесериалам, рискует быть непонятым в учёной среде. То же касается вопросов будущего и исследования дискурсов о будущем. Научная фантастика, являющаяся одним из способов конструирования и прозрения будущего, тоже долгое время считалась недостойным философского осмысления предметом. В современной российской образовательной системе к футурологии, фантастике и прогнозированию настороженное отношение. Одно из обвинений в адрес футурологов сводится к неоправданному использованию экстраполяции. Экстраполяция ведёт к грубым ошибкам или, по меньшей мере, значительным погрешностям. При этом забывают, что в исследовательских программах археологии или геологии тоже есть значительные погрешности. Методологический анархизм, вероятно, является одним из самых значимых принципов постнеклассической науки. Этот принцип препятствует возвышению одних учёных и принижению других, противостоит своего рода «расовой сегрегации» в научном мире. Де-факто принцип, сформулированный П. Фейерабендом, отвергается научным сообществом как недостойный внимания и даже абсурдный. Считается, что наука, фундированная методологическим анархизмом, превратилась бы в Вавилонскую библиотеку, перманентно наполняемую различными текстами. В действительности – и это очевидно – современная наука транслируется посредством самых различных каналов, аккумулируется в крупных базах данных, регулярно наполняющихся новыми исследованиями.

Пока образовательная система препятствует интеграции дисциплин о будущем и новых технологиях, о месте человека в изменяющемся мире, параллельно существуют масштабные проекты по радикальному преобразованию социального целого и человеческой природы. О будущем не только много говорят – будущее делают. Функционирует Российское трансгуманистическое движение (РТД), пополняются ряды ассоциации «Россия 2045», появилась политическая партия «Эволюция 2045», действует наукоград Сколково, возникла группа РОСНАНО и т.д. Плюрализм институтов – это лишь одна сторона медали. Другой её стороной является плюрализм дискурсов о будущем. Современный человек живёт в условиях футуроплюрализма. Футуроплюрализм, согласно формуле Ж. Делёза, есть

монизм. Это раздробленная реальность, позволяющая каждому человеку вносить свою лепту во всемирный архив проектов и моделей, набросков и эскизов будущего. В общем, футуроплюрализм – это динамическое множество проектов, моделей, картин, «набросков» и «эскизов» будущего. Футуроплюрализм фундирован желанием и возможностью человека высказаться о будущем, связан с социокультурными условиями (например, отсутствием жёсткой цензуры), со скоростью обмена информацией, с доступностью информации широкому кругу потребителей. Футуроплюрализм нельзя считать «пустым» знаком. Это действительность, влияющая на наши мировосприятие, ценности и смысложизненные ориентиры.

Как показывает практика, справиться с будущим не просто. Вместо единого проекта будущего человечество «вооружено» множеством принципиально различных проектов по переустройству мира и изменению человека. Вопрос об избыточности высказываний о будущем представляется риторическим. Когда Эпикур или Г. Лейбниц говорили о множестве миров, они, вероятно, не предполагали, что словосочетание «множество миров» будет иметь ещё одно значение. Увеличение числа воображаемых миров – это признак, по выражению Ж. Делёза, «подлинно бесконечного» [6, с. 365]. Но действительный индивид живёт на пограничье множества воображаемых «топосов», описанных на страницах фантастических, футурологических и философских книг, на конференциях прогнозистов, в манифестах трансгуманистов, в трудах иммертологов и т.д. В эпоху постнеклассической науки анархизм фундирует не только методологию, но и производство научного знания. Любой проект будущего не «лучше» и не «хуже» других. Каждая модель будущего имеет право на существование. Наука (в особенности, гуманитарная) всё прочнее связывается с околонучным и ненаучным знанием. Это благодатная почва для футуроплюрализма.

Даже при поверхностном взгляде на фантастическую литературу можно уверенно говорить о множественности литературных миров. Классическая sci-fi, фэнтези, киберпанк, космические оперы, планетарная фантастика, слипстрим, стимпанк, рибофанк, хоррор, боевик не исчерпывают богатств фантастической литературы. Кроме того, многими авторами были созданы различные «миры» («миры братьев Стругацких», «Великое Кольцо Миров» И. Ефремова и т.д.). Существует динамическое множество комбинаций сюжетов и смысловых ходов. Всё это вполне соответствует пониманию текста в постструктуралистском дискурсе. Комбинации означающих не

поддаются подсчёту. Каждый фантастический топос отличен от любого иного.

В эпоху постнеклассики, как уже говорилось, критерием научности является работоспособность той или иной созданной модели. В таком случае многие модели будущего, сконструированные футурологами, не научны. Не случайно А.М. Столяров, рассуждая о нескольких популярных футурологических концепциях, видел будущее за концепцией столкновения цивилизаций (С. Хантингтон). Модель масштабного, межцивилизационного конфликта жизнеспособна в отличие, например, от модели «конца истории» Ф. Фукуямы или от модели Э. Тоффлера [8, с. 143]. Строго говоря, Ф. Фукуяма отказался от идеи о «конце истории» и сформулировал тезис о «разрыве» между индустриальным и информационным обществами. Этот разрыв может оказаться губительным для человечества. За строительство информационного общества человек может заплатить высокую цену. Э. Тоффлер, напротив, считал, что люди будущего смогут в полной мере реализовать свой творческий потенциал. Правда, в действительности это сможет сделать далеко не каждый. В обществе знаний только избранные будут творцами. Власть большинства сместится властью обладателей знания [8, с. 143].

С. Хантингтон в 1993 г. выразил вполне обоснованную мысль о множественности проектов и моделей будущего: «Мировая политика вступает в новую фазу, и интеллектуалы незамедлительно обрушили на нас поток версий относительно её будущего облика» [13]. Известный футуролог вспомнил о «конце истории», соперничестве между нациями и национальными государствами, кризисе национальных государств, трайбализме и глобализме. Это калейдоскоп принципиально различных идей о будущем. С. Хантингтон нарисовал собственную карту раздробленного мира. На этой карте обозначены различные цивилизации, а изображения территорий маркированы различными цветами. На лоскутной карте С. Хантингтона соседствуют цивилизации, выделенные по территориальному принципу (западная, «бывшие британские колонии на Карибах», японская), с цивилизациями, выделенными по религиозному признаку (исламская, индуистская, православная, буддийская). Заслуживает внимания и формулировка «Африканская (возможно) цивилизация». Кроме того, на карте С. Хантингтона нашлось место «одиноким» цивилизациям. Например, в число «одинок» автор включил Эфиопию. С. Хантингтон считал, что конфликты между цивилизациями неизбежны. Они вспыхнут вдоль «линий разлома». Если у Ф. Фукуямы линия разрыва проходила в

цивилизационном хронотопе, то у С. Хантингтона она играла роль неустойчивой межцивилизационной границы. Ф. Фукуяма акцентировал внимание на конфликте индустриализма с рождающимся информационным обществом, а С. Хантингтон на противоборстве государств и международных союзов. С. Хантингтон, как и многие другие мыслители, пытался упорядочить и систематизировать множественное, определить действующих лиц перманентно изменяющейся действительности.

Очевидно, что в истории философии тоже не было единодушного мнения по вопросу об образе будущего. Разительно отличаются друг от друга образы правящего философа у Платона и богочеловека у В.С. Соловьёва, супраморалиста у Н.Ф. Фёдорова и индивидуалиста у М. Штирнера. Фигура сверхчеловека в трансдискурсе Ф. Ницше менялась до неузнаваемости и уже не могла быть сопоставимой с оригиналом. Хрестоматийным примером является образ сверхчеловека у Ж. Делёза. В «форме-сверхчеловек» кремний возьмёт реванш над углеродом. Изменение человеческой природы произойдёт по линиям генной инженерии, имплантации и трансплантации. Сверхчеловек ещё не бог, но уже не человек. Это существо, соединившее в себе углерод и кремний, – иными словами, киборг.

Во второй половине XX в. появился трансгуманизм, объединивший достижения точных наук с идеологией радикального вмешательства в природу человека. Философствующие трансгуманисты конструируют различные образы будущего и по-разному маркируют эволюционирующего человека (постчеловек, трансчеловек, неочеловек, homo immortalis и т.д.). Это признавал и Н. Бостром, утверждая, что «в рамках трансгуманизма существуют разнообразные точки зрения». Трансгуманисты объединены в группы по интересам. В перечне объединений есть сторонники крионизации, «строительства рая», сетевое общество, сторонники освоения космоса, экспроприанцы и др. [4]. Ещё сравнительно недавно концепция Е-человека рассматривалась в качестве одной из несущих конструкций трансгуманизма. Благодаря Н. Бострому была популяризирована идея о «загрузке» сознания на небιологический носитель. Философствующие сторонники радикального вмешательства в природу человека писали о возможности разрыва тела и сознания, следовательно, считали, что сознание не зависит от мозга. Внутренний мир человека был редуцирован к конечному объёму информации. Постулат о независимости внутреннего мира от тела сегодня не без оснований ставится под сомнение. Ключом к разгадке человека могла быть, возможно, компьютерная модель клетки

мозга. Несмотря на все усилия трансгуманистов, такая модель до сих пор не создана.

Во второй половине XX в. интеллектуалы всерьёз обсуждали проблему долголетия человека и пришли к определённым выводам: долгожительство возможно; с помощью медицинских, когнитивных, информационных и иных технологий человек мог бы жить около 800 лет; за это время человек сможет реализовать себя в самых различных областях деятельности. Гуманистический проект имел серьёзную философскую надстройку. Долголетие позволило бы решить проблемы отчуждения труда, реализации творческого потенциала, означало бы сохранение «вечной» молодости. В пику религиозным учениям, фундированным постулатами о бессмертии души, интеллектуалы говорили о практическом, реальном бессмертии. Практическое бессмертие, естественно, не тождественно вечной загробной жизни. Область знаний, близкая трансгуманизму, но отличная от него, получила название «иммортология». Одним из элементов морфологии слова является общеизвестное «логос», прочно связанное в Новое время с наукой.

Трансгуманизм и иммортология являются крупными проектами, направленными на природу человека и прежде всего на материально-телесную организацию. Они имеют множество критиков и сторонников, что доказывает значимость проблем, решаемых трансгуманистами и иммортологами. Но, очевидно, пока решения нет. Не имея единой стратегии действий и чётко определённых тактических приёмов, сторонники радикального преобразования природы человека отстаивают не сводимые друг к другу идеи и пытаются обосновать состоятельность личных мнений.

Футуроплюрализм прочно связан с постнеклассической наукой (междисциплинарностью, перформативностью, перенасыщенностью и т.д.). Современный человек, живущий в условиях футуроплюрализма, нуждается в помощи. На это более 20 лет назад обратили внимание Э. Тоффлер, И.В. Бестужев-Лада и др. Практика показывает, что о будущем нужно говорить и в школьных кабинетах, и в студенческих аудиториях. Р. Юнг писал, что в образовании много внимания уделяется уже сделанному. В будущем, полагал Р. Юнг, на лекциях и практических занятиях будут говорить о не завершённых или не написанных ещё философских и научных трудах, о возможных кризисах и катастрофах [10, с. 461]. Библиотеки (и прежде всего, школьные) необходимо пополнить литературой о будущем. В список литературы должны входить не только классическая поэзия и проза, но и фантастика. По оценке Э. Тоффлера, дети бу-

дуг изучать произведения Р. Хайнлайна, Р. Шекли, Р. Брэдбери, А. Кларка и др. наравне с классикой. Прогноз Э. Тоффлера и Р. Юнга во многом оправдался. Российская система образования в этом отношении отстаёт.

В современном образовании гуманитарные дисциплины занимают отнюдь не самое достойное место. В большинстве школ, что показал мониторинг информационного контента, большое внимание уделяется естественным наукам и информатике. Следует признать, что общественное знание как ведущая, наряду с историей, гуманитарная дисциплина пользуется сравнительно большой популярностью. Школьники регулярно сдают ЕГЭ, посещают репетиторов, учат обществоведческий понятийный аппарат и знакомятся с известными социальными концепциями. Тем не менее, в границах курса обществознания почти не уделяется внимания вопросам будущего. Учащиеся узнают общую информацию о семейных отношениях, способах организации досуга, о роли образования и самообразования, о труде и творчестве, изучают основы экономических отношений, политики и права. Среди немногочисленных тем, посвящённых будущему, одна тема посвящена успешности предпринимательского дела. Прогнозирование в данном случае понимается как метод, обслуживающий личные потребности ученика. В современной школе акцентируют внимание на глобальной угрозе международного терроризма и демографической ситуации в современной России.

Программы уроков литературы, как уже было отмечено, имеют значительные недостатки. Фантастическая литература интегрируется в программу скорее в качестве исключения, нежели в качестве правила. В итоге многие школьники узнают о мировой фантастике по другим каналам трансляции. Среди них – семейное воспитание и образование, телевидение, Интернет. Очевидно, что роль педагога уподоблялась бы роли грамотного экскурсовода, ведущего человека по лабиринтам информации.

В вузах учащиеся на технических специальностях получают знания о различных феноменах техносферы, изучают технологию создания, функционирование машин. В границах гуманитарных дисциплин вопрос о будущем ещё предстоит решить. Ещё предстоит рассказывать о будущем на занятиях по социологии, философии, культурологии, политологии. Де-факто многие вузовские программы по философии и другим дисциплинам основываются на хронологически последовательном раскрытии исторического аспекта и обобщающих тем, не касающихся постструктурализма и

постнеклассической науки. В определённом смысле философия как дисциплина «запаздывает», не успевает за опережающей её техносферой. Справиться с этим пока можно только благодаря стараниям педагогов-энтузиастов, педагогических коллективов, будирующих этот вопрос. Гуманитарные дисциплины сегодня нужны для самоопределения человека. У них есть потенциал для борьбы с футурошоком и футурофобией, кризисами идентичности. В противном случае будущее свершится внезапно, и человек не будет к этому готов.

XX и XXI вв. можно назвать временем производства инноваций. Феномен инноваций необходимо рассматривать в нескольких разрезах. Во-первых, инновации являются фактом, данностью. Они окружают человека и вторгаются в его природу. Во-вторых, инновации понимаются как ресурс, источник высокого и стабильного дохода. В-третьих, инновациями можно назвать продукт производства. В экономике словосочетание «инновационный продукт» используется давно. Инновационными продуктами называют косметические средства, учебные принадлежности, продукты питания и т.д. В-четвёртых, инновации являются ценностью. Ценность инновационных продуктов относительна. Любой продукт сравнительно быстро устаревает, переставая удивлять потребителей. Товар называют инновационным, если он имеет новую упаковку, создан с помощью новой технологии, имеет какое-то, даже незначительное, содержательное отличие от товаров соответствующей категории. Словосочетание «инновационный продукт» активно используется в образовательной сфере. Рабочие программы, учебники, учебно-методические пособия, атласы и прочее сегодня входят в категорию инновационных продуктов.

Человеку сложно искать выход в лабиринте инновационной экономики и перманентного технического апгрейда. Дезориентированный человек, разочаровавшийся в поиске выхода, как правило, индифферентен к происходящему. В условиях футуроплюрализма индифферентное отношение к будущему особенно опасно. Понятие инновации девальвировано. Если результатом творческого процесса является некоммерческий продукт, то он не будет маркироваться как «инновационный». Очевидно, большое значение в сложившейся ситуации имеют система образования вообще и гуманитарные дисциплины в частности. Необходим пересмотр программ и содержания экзаменов преподаваемых курсов. Вполне понятна и ценность философии, не сводимой к изучению историко-философского наследия и сложившегося понятийно-категориального аппарата.

Много путешествующий человек может стать чужим в собственной стране. Подобно ему, студенты, изучающие лишь историко-философское наследие, не связываемое с актуальными проблемами, могут не ощутить значимости философствования и свести его к парафразам накопленного социального опыта. Философия в этом случае была бы ещё одной дисциплиной, никак не связанной с существующими проблемами человека и человечества, не отвечающей на запросы молодёжи. Вероятно, редкий студент не задаётся вопросом о

целесообразности изучения философии. Отвечать на этот вопрос можно по-разному, но очевидно, что значимость преподавание философии никогда не сводимо к пополнению знаний и заучиваю известных положений. Философствование является живым, критическим мышлением. Его объектом должно быть не только прошлое, но настоящее и будущее. Только так – усилиями преподавателей философии, – может быть найдена нить, служащая ориентиром в лабиринте инновационных продуктов, проектов и моделей будущего.

Список литературы:

1. Барт Р. От произведения к тексту // Избранные работы: Семиотика: Поэтика. М.: Прогресс, 1989. 616 с. С. 413-423.
2. Барт Р. Смерть автора // Избранные работы: Семиотика: Поэтика. М.: Прогресс, 1989. 616 с. С. 384-391.
3. Барт Р. Текстовый анализ одной новеллы Эдгара По // Избранные работы: Семиотика: Поэтика. М.: Прогресс, 1989. 616 с. С. 423-461.
4. Бостром Н. FAQ по трансгуманизму. URL: <http://transhumanism-russia.ru/content/view/6/144/#currents> (дата обращения: 07.03.2016).
5. Буданов В.Г. Постнеклассические основы управления будущим // Научный результат. Серия: Социология и управление. 2014. Т. 1. № 1(1). С. 72-78.
6. Делёз Ж. Лукреций и симулякр // Логика смысла. Екатеринбург: Деловая книга, 1998. 480 с.
7. Делёз Ж. Тысяча плато: Капитализм и шизофрения. Екатеринбург: У-Фактория; М.: Астрель, 2010. 895 с.
8. Столяров А.М. Освобождённый Эдем. М.: АСТ: АСТ МОСКВА: ХРАНИТЕЛЬ, 2008. 416 с.
9. Тоффлер Э. Революционное богатство. М.: АСТ: АСТ МОСКВА, 2008. 569 с.
10. Тоффлер Э. Шок будущего. М.: АСТ, 2002. 557 с.
11. Фейерабенд П. Против метода. Очерк анархистской теории познания. М.: АСТ: АСТ МОСКВА: ХРАНИТЕЛЬ, 2007. 413 с.
12. Фуко М. Ницше, Фрейд, Маркс. URL: <http://lib.ru/CULTURE/FUKO/nfm.txt> (дата обращения: 07.03.2016).
13. Хантингтон С. Столкновение цивилизаций?. URL: <https://ecocrisis.wordpress.com/miscellanea/clash-civilization/> (дата обращения: 07.03.2016).

References (transliterated):

1. Bart R. Ot proizvedeniya k tekstu // Izbrannye raboty: Semiotika: Poetika. M.: Progress, 1989. 616 s. S. 413-423.
2. Bart R. Smert' avtora // Izbrannye raboty: Semiotika: Poetika. M.: Progress, 1989. 616 s. S. 384-391.
3. Bart R. Tekstovoi analiz odnoi novelly Edgara Po // Izbrannye raboty: Semiotika: Poetika. M.: Progress, 1989. 616 s. S. 423-461.
4. Bostrom N. FAQ po transgumanizmu. URL: <http://transhumanism-russia.ru/content/view/6/144/#currents> (data obrashcheniya: 07.03.2016).
5. Budanov V.G. Postneklassicheskie osnovy upravleniya budushchim // Nauchnyi rezul'tat. Seriya: Sotsiologiya i upravlenie. 2014. T. 1. № 1(1). S. 72-78.
6. Delez Zh. Lukretsii i simulyakr // Logika smysla. Ekaterinburg: Delovaya kniga, 1998. 480 s.
7. Delez Zh. Tsytyacha plato: Kapitalizm i shizofreniya. Ekaterinburg: U-Faktoriya; M.: Astrel', 2010. 895 s.
8. Stolyarov A.M. Osvobozhdenniy Edem. M.: AST: AST MOSKVA: KhRANITEL', 2008. 416 s.
9. Toffler E. Revolyutsionnoe bogatstvo. M.: AST: AST MOSKVA, 2008. 569 s.
10. Toffler E. Shok budushchego. M.: AST, 2002. 557 s.
11. Feierabend P. Protiv metoda. Ocherk anarkhistskoi teorii poznaniya. M.: AST: AST MOSKVA: KhRANITEL', 2007. 413 s.
12. Fuko M. Nitsshe, Freid, Marks. URL: <http://lib.ru/CULTURE/FUKO/nfm.txt> (data obrashcheniya: 07.03.2016).
13. Khantington S. Stolknovenie tsivilizatsii? URL: <https://ecocrisis.wordpress.com/miscellanea/clash-civilization/> (data obrashcheniya: 07.03.2016).